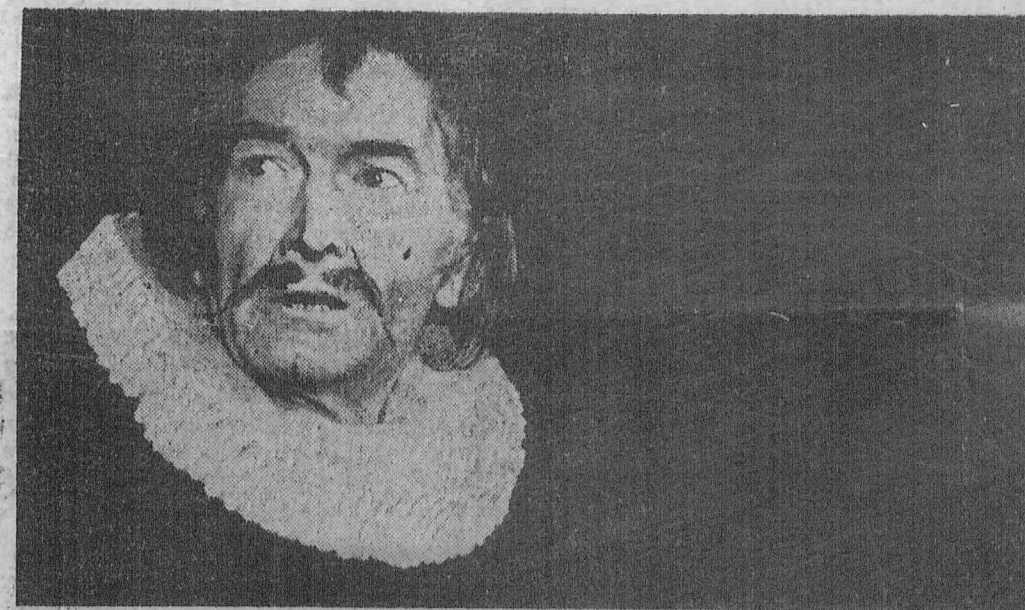

ПОСЛЕ ВИЛАРОВСКИХ СПЕКТАКЛЕЙ

ВРЕМЯ от времени говорят о кризисе применительно к искусству: о кризисе романа, пережившего себя; о кризисе театра с пустующим залом, обескровленным кинематографом; о грядущем ударе кино в тисках телевидения... А между тем продолжают давать Шекспира и Мольера, а Жан Виллар призывает, что для него самый большой из современных драматургов — Эсхил. И с удовольствием напоминает, что в Париже — хороший зритель и четыре с половиной десятилетия только драматических театров, не считая музыкальных и лирических.

Пройдя сквозь горнило кубизма и абстракционизма, живопись с живою делает шаг в сторону преобразованной фигуративности. Неслыханной силой экспрессии достигает скульптура. Рука об руку идут приятие «наивных» творцов и возрождение древнего искусства мима на правах языка универсального. Появляясь засыпанные пылью столетий забытые ролевые стили отщипываются, плодятся. Все, что могуще и стремительно жить, спешит жить. Пораженное, своим открытием человечество находится на пороге поразительных открытий. Человек, измороженный вдоль и поперек, вновь предстает незнакомцем. Подтачиваемый с разных сторон способность удивляться не перестает удивлять.

Конечно же, водоворот захлестывает и подмостки. Чтобы исследовать глубинные течения реки, нужно сойти с перекинутого над ней моста. Одни снимают этот мост, чтобы другие бросились в реку. Так поступает Беккет, вырывающий у театра самый его нерв — действие, так что дальше в этом направлении идти некуда.

Ничто влечет театр под солнечный свет и под лунное сияние, к стенам древнего Афиньона. Эти напряженно прислушиваются к гулкому пульсу бегущего вена, как приниженный ухом к оракулу волшебной бутылки Палаур. «Я всю жизнь много читал и старался многое узнать», — сказал на днях в студенческой аудитории Жан Виллар, под неуловчивостью хранившего открытие и неистовство поиска. В соприкосновении с человеческим гением таит прагматический столетий. И рождаются две потребности: театр всех времен и театр — для всех.

Почему Эсхил и Мольер, Кор-

нель — рядом с «Делом Оппенгеймера»? Не стареют ли старики? Есть режиссеры, подталкивающие к нам классиков, пускающие их в нашу стихию. И тогда в «Горацин» боксируют, а Гамлет надевает пиджак.

Виллар подымается вверх по лестнице традиционно. Эту сторону своих интересов он открыл и нам в Мольере, в Марию, в отголосках притягивающих. В тбилисских постановках Виллар в который раз подтверждает гераклитовское положение: нельзя дважды ступить в одну воду. Мольеровские слуги как локализованные лица отошли в прошлое. Вместе с породившим их обществом и временем исчезли в природе и потому перестали нас волновать некоторые черты их характера, поведения, психики. Другие их «особенности, индивидуальные», остались в людях. Они то под прицелом у режиссера. Цель творца — создание духа нового богатства. Цель интерпретатора — добывание этого богатства. Поэтому Виллар устранил со своего пути все, что мешает его цели: например декорации. Чем меньше на сцене предметов, тем свободнее передвигается по ней человек, тем полнее он может раскрыться.

От этого первого шага — естественный переход ко второму: в вилларовском театре актер непремменно сам открывает свою роль, при поддержке постановщика. И здесь снова вмешивается в дело Гераклит: однажды найденный штрих сразу же начинает отпирать течение времени. Поэтому Виллар до конца репетиции «очистывает» текст. И после премьеры до бесконечности актеры продолжают обнаруживать и передавать новые элементы в своих ролях. Но Виллару — лишь это постоянное обновление обеспечивает игре мастера искренности. Чтобы заметить это обновление, зрителю нужно было бы присутствовать на всех репетициях и на всех представлениях. Но по техническому волнению на сцене человек враспеде чувствует, что актер только что нашел что-то новое и важное и делится с ним радостью своего открытия. Перспектива совершенствования в вилларовском театре беспредельна.

Жан Виллар любит повторять совет Гамлета комедиантам: «Прозаносите монолог, прочту вас, как я вам его прочел, легким языком; а если вы станете его горлавить,

как это у вас делают многие актеры, то мне было бы одинаково приятно, если бы мои строки читал бирюч...» Отсюда — несколько непривычное ощущение, будто вилларовские спектакли проходят «без повышения голоса», и это — при «взрыве» разнообразных артистических темпераментов и различной внутренней тональности каждой отдельной роли — сравнительно высокого или низкого звучания.

Итак, актер — в центре внимания, и актер говорит естественно. Две предпосылки для углубления в душевный мир персонажа, дорога к которому оправдана (если это образ серьезный и сложный) скудостью внешних выразительных средств. В этом смысле характернейшей актрисой «вилларовского» театра представляется Женевьев Паж, точчайшую нитку которой можно изучать, как портрет кисти известного мастера.

Так включает Виллар в свой репертуар произведения разных времен и народов. Мы сказали также, что вилларовский театр, это — театр для всех. Для всех — означает для всех французом. И Виллар подчеркивает, делая ставку на то, что большое искусство доступно каждому. Но установка эта еще шире: несмотря на языковой барьер, театр, по мысли Виллара, может принести немалую пользу и в международном общении. И здесь ряд особенностей вилларовских постановок приобретает новое измерение. Немногочисленные декорации должны быть как можно более характерными и достоверными по отношению к эпохе, среде и атмосфере пьесы. Этой же цели служат простые костюмы и музыка. Но, пожалуй, наиболее важная для международной практики особенность вилларовских постановок заключается в том, что он условно называет «балетом». Это — определенный ритм и ритм передвижения персонажей по сцене от начала представления до конца, сам по себе поясняющий и в ходе действия и в характере взаимоотношения персонажей.

Сила вилларовского театра — не в поисках оригинальности, а в том, что он открыт всем ветрам и горизонтам, в том, что своими чуткими антеннами он притягивает позывные прошлого и настоящего, слушая человеческому в человеке и общению между людьми.

Г. БУАЧИДЗЕ.

На снимках: сцены из спектакли «Скупой»; Гариатон — Жан Виллар; в роли Лафлета — Клод Нико; роль Марианны исполняет Сесиль Вассор.

Фото А. Саякова.

МОРОЗОВ Г. Г. 30 МАЯ 1961 Т. ТБИЛИСИ